

0-798298

На правах рукописи

Окунев

Окунева Татьяна Васильевна

Удмуртская свадьба как текст

Специальность 10.01.09 – фольклористика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Казань – 2012

Работа выполнена в отделе филологических исследований Федерального государственного бюджетного учреждения науки Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук

Научный руководитель: доктор филологических наук профессор
Владыкина Татьяна Григорьевна

Официальные оппоненты: Золотова Татьяна Аркадьевна,
доктор филологических наук профессор,
кафедра русской и зарубежной
литературы историко-филологического
факультета ФГБОУ ВПО «Марийский
государственный университет»,
заведующий (г. Йошкар-Ола)

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

0000758162

Арзамазов Алексей Андреевич,
кандидат филологических наук,
финно-угорский научно-образовательный
центр гуманитарных технологий
ФГБОУ ВПО «Удмуртский
государственный университет»,
научный сотрудник (г. Ижевск)

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Вятский государственный
гуманитарный университет»

Защита состоится «26» декабря 2012 года в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д 022.001.01 при Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан по адресу: 420014 Республика Татарстан, г. Казань, Кремль, ул. Шейнкмана, 11 (здание «Манеж»).

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке Казанского научного центра РАН (420111 Республика Татарстан, г. Казань, ул. Лобачевского, 2/31).

Автореферат разослан «26» ноября 2012 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук доцент

А.А. Тимерханов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена несколькими факторами: возрастающим интересом различных областей гуманитарного знания к явлениям духовной культуры; расширением междисциплинарного подхода к изучению обрядов и обрядового фольклора; актуальными для современной фольклористики исследованиями региональных и локальных традиций; недостаточным изучением свадебной обрядности удмуртов с точки зрения взаимосвязей вербального текста, ритуального контекста и мифопоэтического гипертекста, способствующих выявлению наиболее архаических пластов традиционной культуры.

Степень изученности темы. Начало собирания и публикации информации о свадебной обрядности удмуртов, как и других народов Поволжья (татар, мордвы, коми, марийцев и др.), было положено в конце XVIII в. участниками экспедиций, организованных по инициативе Петербургской Академии наук (И.Г. Гмелин, Н.П. Рычков, П.С. Паллас, Г.Ф. Миллер, И.Г. Георги). Издания этого периода характеризуются одинаковым подходом к публикации материала: часто сведениям об удмуртах отводится лишь несколько страниц, в которых бегло затрагиваются самые разные вопросы (о верованиях, семейно-бытовых обрядах, праздниках и молениях). Информация о свадебных обрядах весьма поверхностна. Причиной фрагментарного описания, неточностей и ошибок послужило незнание языка и кратковременность пребывания исследователей на территории проживания удмуртов. Несмотря на вышесказанное, работы этого периода являются первыми свидетельствами отечественных и зарубежных ученых об удмуртах в академических изданиях.

В первой половине XIX в. опубликованы две работы: статья А.И. Герцена и статья А.А. Фукс. Отсутствие других исследований обусловлено двумя причинами: во-первых, Российская Академия наук организует в этот период главным образом зарубежные экспедиции, во-вторых, в регионе еще не было своих научных кадров, способных вести широкое научное исследование края.

Научный интерес к изучению удмуртской культуры в целом и свадебной обрядности в частности, возрастает со второй половины XIX в., когда публикуются работы не только русских и зарубежных этнографов и учёных, но и статьи и заметки местных краеведов, учителей, врачей и священников (М. Блинов, С. Осокин, В. Шестаков,

А.Ф. Риттих, С.В. Максимов, Д.Н. Островский, А. Миропольский, В. Кошурников, Б.Г. Гаврилов, В. Бехтерев, М. Бух, М.Н. Харузин, Г.Н. Потанин, Г.Е. Верещагин, П.М. Богаевский, А.Ф. Комов, Н.Г. Первухин, И.Н. Смирнов, Н.Н. Блинов, В.Н. Харузина, И.В. Яковлев, И. Васильев, В.Н. Луппов).

В этот период появляются первые исследования, специально посвященные свадебным обрядам (С. Багин «Свадебные обряды и обычаи вотяков Казанского уезда» (1987), М.М. Хомяков «Эволюция вотского брака: Свадебный обряд Глазовских вотяков» (1911), И.В. Яковлев «Способ умыкания невест среди вотяков Елабужского уезда» (1913).

Особое место в изучении свадебного обряда удмуртов занимают исследования финских учёных (Т.Г. Аминоффа, Ю. Вихманна, А. Хямляйнена).

Конец XIX – начало XX вв. отличается увеличением этнографической изученности удмуртов. Издания, в которых затрагивается свадебная обрядность, многочисленны и разнообразны. Среди исследователей появляется немало удмуртов, что не могло не сказаться на достоверности и глубине описываемых фактов, на целях собирания материала, на принципах его собирания и т.д. В большинстве опубликованных работ этого периода содержится тот значительный фактический материал, из которого складывается общая картина свадебной обрядности удмуртов и без которого невозможно её дальнейшее исследование.

После 1917 г. отрывочные сведения по свадебной обрядности удмуртов имеются в исследованиях К. Герда (Чайникова), М.И. Ильина, М.О. Косвена, В.Н. Белицер, К.И. Козловой.

С 1970-х гг. в этнографическом изучении удмуртского народа наступает новый период. В результате работы экспедиций не только в районах Удмуртии, но и регионах, где проживают локальные группы удмуртов (Республика Марий Эл, Республика Татарстан, Республика Башкортостан Кировская, Свердловская, Томская области, Пермский и Красноярский край), собран и систематизирован значительный объем материала по хозяйственно-бытовому укладу, материальной и духовной культуре, в том числе и по свадебным обрядам (В.В. Пименов, Л.С. Христоробова, В.Е. Владыкин и др.).

Специальным исследованием семейно-бытовой обрядности удмуртов занимается этнограф Л.С. Христоробова. Ей написано более тридцати работ по данной проблематике.

С точки зрения фольклористики и этномузыкологии жанры и поэтические тексты удмуртской свадьбы исследовались в работах Т.Г. Владыкиной, Е.Б. Бойковой, М.Т. Слесаревой, Р.А. Чураковой, И.М. Нуриевой, М.Г. Ходыревой, И.В. Пчеловодовой.

Локальные варианты и терминологические особенности свадебной традиции исследованы Н.П. Ивановой, Е.М. Вахрушевой, М.А. Дорофеевой.

Объект исследования – свадебный обряд удмуртов в его идеологическом, фольклорно-поэтическом, этнографическом, структурно-композиционном, функциональном единстве и эволюционных изменениях.

Предмет исследования – текст удмуртской свадьбы в синкретическом единстве акциональных, вербальных и реальных составляющих.

Цель диссертационной работы – исследование удмуртской свадебной обрядности в качестве фольклорного текста, включающего в себя разные уровни информации.

Для достижения данной цели были поставлены следующие **задачи**:

- определить статус фольклорного текста в контексте гуманитарных наук с целью выделения основных уровней информативности текста удмуртской свадьбы;

- исследовать информационное пространство обряда на базе изучения его историографии, структуры, современного состояния, жанрового репертуара и поэтики фольклорных жанров;

- реконструировать комплексный текст удмуртской свадьбы на основании исследования фольклорного, этнографического и лингвистического материала;

- выявить и систематизировать возможно более полный корпус удмуртской свадебной терминологии на основе опубликованных, архивных источников и собственных полевых записей.

Теоретико-методологическая основа работы базируется на положениях ведущих специалистов в изучении текста в целом (М.М. Бахтин, И.Р. Гальперин, С.И. Гиндин, О.И. Москальская, Т.М. Николаева, З.Я. Тураева и др.) и фольклорного текста в частности (К.В. Чистов, Б.Н. Путилов и др.); представителей отечественной этнолингвистики (Н.И. Толстой, С.М. Толстая, Л.Н. Виноградова, А.В. Гура, и др.); исследователей свадебной обрядности славянских, финно-угорских и тюркских народов (К.Е. Корепова, Н.Ф. Сумцов, В.Ф. Плесовский, В.И. Рогачев, Ю.Ю. Сурхаско,

Р.А. Султангареева и др.); научных трудах исследователей традиционной культуры Удмуртии (М.Г. Атаманов, В.Е. Владыкин, Т.Г. Владыкина, И.М. Нуриева, Л.С. Христолюбова и др.).

Ввиду разнородности компонентов свадебного обряда и разносторонности задач, поставленных в исследовании, используются следующие методы анализа: структурно-семантический, сравнительно-исторический, описательный, сопоставительный, этнолингвистический, лингвогеографический, которые позволили произвести комплексный анализ уровней информативности удмуртского свадебного текста. При обработке источников использовался метод сплошной выборки свадебной лексики.

Источники исследования. Основой для данного исследования послужил материал из различного круга источников фольклорного, этнографического, лексического и лексикографического характера.

Основной источниковой базой послужили труды, опубликованные отечественными и зарубежными исследователями в конце XIX – начале XX вв. (Д.Н. Островским, Б.Г. Гавриловым, Г.Н. Потаниным, Г.Е. Верещагиным, П.М. Богаевским, Ю. Вихманном, С. Багиным, Т.Г. Аминофым, М.И. Ильиным и др.) и работы современных удмуртских учёных (М.Г. Атаманова, В.Е. Владыкина, Т.Г. Владыкиной, В.К. Кельмакова, И.М. Нуриевой, М.Т. Слесаревой, Л.С. Христолюбовой, Р.А. Чураковой и др.).

Источниками исследования послужили материалы, извлеченные из словарей удмуртского языка («Удмуртско-русский словарь» Г.Е. Верещагина (2006); «Удмуртско-русский словарь» З. Кротова (1995); «Толковый удмуртско-русский словарь» Т.К. Борисова (1991); «Удмуртско-русский словарь» (2008); «Этимологический словарь удмуртского языка: Буквы А, Б» В.И. Алатырева (1988); «Системно-тематический русско-удмуртский словарь» Р.Ш. Насибуллина и В.Г. Семёнова (2006); «Удмурт синоним кыллюкам: Дышетскисьёс но дышетйсьёс понна» [Удмуртский словарь синонимов] В.К. Кельмакова (2009) и др.); публикации материалов в краеведческих сборниках и периодических изданиях.

Архивные материалы извлечены из рукописного фонда Научно-отраслевого архива Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН (записи с конца XIX – начала XX вв.), фольклорного и фольклорно-диалектологического фондов факультета удмуртской филологии Удмуртского государственного университета (записи с конца 70-х гг. XX в.).

Информация охватывает не только районы Удмуртии, но и регионы, где проживают локальные группы удмуртов (Республика Татарстан, Республика Башкортостан, Республика Марий Эл, Кировская область, Свердловская область, Томская область, Пермский край и Красноярский край).

Источниками также послужили полевые материалы автора, полученные во время экспедиций в районы Удмуртии в 2010–2012 гг. (Дебесский, Игринский, Малопургинский).

Проработано более 300 описаний обряда и более 500 художественно-поэтических текстов свадьбы.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- введён новый архивный материал по исследуемой теме;
- впервые предпринят опыт изучения свадебного обряда удмуртов в качестве фольклорного текста, включающего в себя разные уровни информации;
- исследовано информационное пространство обряда на основе изучения его историографии, традиционной структуры, современного состояния, жанрового репертуара и его поэтики;
- на основе этнолингвистического анализа осуществлена практика цельного и системного осмысления свадебного обряда и обрядового фольклора.
- впервые проведена верификация и систематизация номинативных единиц удмуртской свадьбы;

Теоретическая значимость работы заключается в опыте комплексного изучения свадебного ритуала удмуртов, предоставившего возможность для выявления типологически общих и специфических деталей и углублённого исследования их семантики. Основные результаты диссертации могут быть использованы в дальнейшем расширенном исследовании свадебной обрядности удмуртов в контексте финно-угорской традиции и в сравнительном изучении обрядовой культуры более широких ареалов (славянские и тюркоязычные народы).

Практическая значимость заключается во введении в научный оборот значительного корпуса неопубликованного фольклорного материала по свадьбе удмуртов. Основные результаты диссертационного исследования могут быть использованы фольклористами, этнографами, историками при подготовке научно-исследовательских работ, лингвистами при составлении толковых, этимологических, отраслевых, этнолингвистических и иных словарей. Работа может

быть использована при разработке практических пособий, спецкурсов по фольклору, лексикологии, этнографии, культурологии. Особую значимость работа может иметь для студентов, обучающихся по специальности «Филология», в частности, для студентов факультета удмуртской филологии Удмуртского государственного университета. Фактический материал и отдельные положения диссертационной работы могут быть использованы в исследованиях сравнительного характера генетически родственных и исторически контактировавших финно-угорских народов и народов Урало-Поволжья. В ближайшей перспективе материалы диссертации будут использованы в отдельном томе серии «Удмуртская обрядовая азбука», основанной в 2011 году.

Положения, выносимые на защиту:

- удмуртская свадьба представляет собой фольклорный текст, включающий в себя разные уровни информации, которая может быть передана как вербальным способом, так и невербальными текстовыми структурами, выполняющими знаковую функцию;

- уровни информативности удмуртского свадебного текста обусловлены культурными кодами, выраженными в структуре ритуала в конкретных диалектных обрядовых сценариях, обрядовой терминологией, комплексом приуроченных и неприуроченных жанров, их поэтикой, символикой образной системы;

- прочтение удмуртской свадьбы как текста возможно только при учете ее контекстуальных связей с историко-культурными и фольклорно-этнографическими реалиями;

- обрядовые термины, являясь семантически нагруженными единицами, всесторонне констатируют внутриобрядовые процессы и представляют собой свернутые «синтагмы обряда», раскрытие которых способствует восприятию общей концепции свадьбы как индивидуально-личностного и социального феномена.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты диссертационной работы были представлены в виде докладов на научно-практических конференциях международного, всероссийского, межрегионального и регионального уровней: «Творческое наследие Г.Е. Верещагина и финно-угроведение в конце XIX – начале XX в.» (г. Ижевск, 2011), «Актуальные проблемы общественных наук в условиях глобализации» (г. Москва, 2012), Второй ежегодной научной конференции «Покровские дни» (г. Нижний Новгород, 2010), VII научно-практической конференции «Национальные культуры Урала. Традиционная культура в её архаических и современных формах»

(г. Екатеринбург, 2011), а также в чтениях Школы молодого фольклориста в г. Казани: «Актуальные проблемы полевой фольклористики» (2010 г.), «Код в структуре фольклорного текста» (2010 г.).

Структура диссертации определяется целями и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка источников и литературы, списка сокращений и приложения, включающего материалы для словаря по удмуртской свадьбе, русско-удмуртский словник и образцы текстов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность выбранной темы, сформулированы цели и задачи исследования, определены методологические подходы, обозначена источниковедческая база, определены научная новизна и научно-практическая значимость, даются сведения об апробации диссертационной работы.

Первая глава «Удмуртская свадьба как тип фольклорного текста» посвящена исследованию общетеоретических вопросов изучения текста в целом, фольклорного текста и текста удмуртской свадебной обрядности в частности.

В § 1.1. «*Фольклорный текст в контексте гуманитарных исследований*» рассматривается специфика фольклорного текста как объекта таких направлений филологической науки, как лингвистика текста, теория текста, семиотика, фольклористика, этнолингвистика и т.д.

Понятие текста, являясь одним из самых употребляемых в науках гуманитарного цикла, приобретает множество научных интерпретаций и отражает те взгляды и те научные принципы, которых придерживается в данный момент исследователь.

Первоначально и наиболее прочно термин «текст» укрепился в языкознании. Именно в этой области возникли идеи, во многом стимулировавшие возникновение и развитие отдельной отрасли филологии – лингвистики текста, ныне признанной наукой в качестве самостоятельной дисциплины. В рамках этого направления текст исследуется как:

– знак (сложный знак или знаковая последовательность) (семиотический подход) (А.Г. Баранов, В.Г. Гак, Л.М. Лосева, О.И. Москальская, А.И. Новиков, Е.А. Реферовская, З.Я. Тураева, Е.В. Сидоров, Р. Барт, У. Эко и др.);

– система, тип и феномен (Н.А. Купина, В.В. Одинцов, М.Ю. Сидорова, О.Б. Сиротинина и др.);

– единица динамическая (в плане текстообразования и текстопонимания) (М.Я. Дымарский, Е.С. Кубрякова, Н.А. Мельчук, Л.Н. Мурзин);

– психолингвистический и социолингвистический феномен, явление культуры (Т.А. ван Дейк, А.А. Залевская, В.В. Красных, А.А. Леонтьев, В.Я. Шабес и др.);

– как комплексный, междисциплинарный объект (У. Эко и др.), развивающийся на основе семиотики (Ю.М. Лотман, В.А. Руднев) и герменевтики (И.В. Арнольд, А.А. Брудный).

Существует множество определений термина текст, но наукой ещё не дано единого определения, которое отражало бы все его признаки.

Фольклорный текст долгое время не рассматривался как специальный объект изучения, поскольку устная форма бытования, подвижность, изменчивость устнопозитического материала не позволяли квалифицировать его в качестве текста. Лишь в 80-х гг. XX в. появляются работы, авторы которых рассматривают фольклорное произведение в качестве текста. Стало очевидным, что фольклорный текст – это текст особого типа, требующий специального изучения, поскольку его статус при всем множестве активно обсуждаемых проблем в контексте лингвистики текста до сих пор не был рассмотрен должным образом.

Особенность фольклорного текста заключена как бы в двойном характере любого фольклорного произведения. С одной стороны, народное словесное произведение – это специфично (художественно) оформленный текст, ориентированный на слушателя. Это обуславливает наличие эстетического начала и, тем самым, некоторую стабильность формы (структурную организованность, наличие рифмы, ритма и т.д.) в фольклорном тексте. С другой стороны, устноречевые произведения вариативны и изменчивы, обладают способностью «встраиваться» в ситуативный контекст, что качественно отличает фольклорный текст от художественного текста (как структуры «конечной», завершённой). Кроме того, отсутствие авторского начала делает фольклорный текст общим для данного коллектива, а каждый исполнитель выступает его транслятором.

Специфика фольклорного текста заключается еще и в том, что он может существовать в двух формах: устной, хранящейся в памяти людей, и различных формах её материализации и закрепления. Вопрос о правомочности той или иной формы «быть текстом» в том смысле,

в каком понимает этот термин традиционная лингвистика текста, довольно давно решает фольклористическая текстология и имеет свое видение этой проблемы. Существуют, как минимум, две точки зрения. Согласно первой, фольклорный текст становится текстом только в записи, и лишь она одна может быть подвергнута полноценному анализу. Согласно другой точке зрения, устный и письменный тексты равноправны в лингвистическом смысле, если они обладают текстуальными свойствами «организованного», структурированного речевого акта, основными из которых называются: содержательность (или информативность), цельность, законченность.

Данная позиция близка и нашему пониманию фольклорного текста. Мы считаем, что и запись (или иная фиксированная форма), и устное бытование фольклорного произведения имеют статус текста.

Но фольклорный текст – это явление, которое может быть выражено как вербальной, так и невербальной формой. Существует еще обрядовая и мифологическая сторона фольклорных текстов, которая функционирует в обрядовом и ином контекстах.

С этой позиции исследования фольклорного текста интересны идеи, выдвигаемые этнолингвистическим направлением, которое занимается изучением традиционной духовной культуры народа в её языковом отражении и рассматривается как комплексная дисциплина, изучающая с помощью лингвистических методов «план содержания» культуры, народной психологии и мифологии независимо от способов их формального представления (слово, предмет, обряд).

Этнолингвисты обращаются к факту существования фольклорного текста как объективной реальности, полагая, вслед за семиотиками, что фольклорный текст, и, прежде всего, текст обрядового фольклора представляет собой знак или знаковую последовательность. В связи с этим Н.И. Толстым было введено понятие «культурного текста», включающее в себя элементы, принадлежащие разным кодам: акциональному, реальному или предметному, вербальному, персонажному, локативному, темпоральному.

Учитывая вышесказанное, для решения целей и задач настоящего диссертационного исследования мы понимаем фольклорный текст в широком смысле. Любое сообщение информации, последовательность знаков, оформляющих конкретную коммуникативную задачу в рамках фольклорной ситуации (дискурса) является в нашем понимании фольклорным текстом. Его изучение возможно лишь при

комплексном анализе всех составляющих аспектов: филологических, этнографических, культурологических, музыковедческих и т.п.

В § 1.2. «Уровни информативности удмуртского свадебного текста» исследуется многоуровневый информационный поток, циркулирующий в системе удмуртского свадебного ритуала.

Весь свадебный комплекс, включая совокупность предварительных и завершающих акций, является одним из наиболее сложных компонентов информационного языка народной культуры, выполняя коммуникативную функцию и выступая как текст в семиотическом смысле слова. Элементы обрядового текста могут быть переданы не только с помощью языковых знаков. В создании культурной информации участвуют и неязыковые средства выражения: мимика, жест, танец, действие – это уже определенные текстовые структуры, существующие по соответствующим информативным законам. Они способны существовать и выражать некоторое содержание самостоятельно, однако реконструкция глубинных смыслов обряда и построение общего текста возможны лишь при учёте соотношения всех потоков информации.

Синкретический характер свадебного обряда необходимо исследовать только комплексно и системно, разбивая его на отдельные компоненты или коды, являющиеся знаковыми единицами обрядовой реальности.

Ритуальный акт – наделенное ритуальной функцией действие, с которым связаны предметы и персонажи свадьбы и которое осуществляется в определённый момент обрядового времени и в конкретном локусе. Ритуальное действие (акциональный код) удмуртской свадьбы включает в себя как разнообразные физические действия разной степени сложности, с применением орудий или без них (поклон, рукопожатие, прикосновение к печи, обливание водой и т. д.), так и целые микрообряды (ритуальное разрезание хлеба/*нянь шорон* (букв. «разрезание хлеба»), купание молодухи летом в первый день сенокоса/*сялтым*, привоз приданого/*пурдан ваён* (букв. «доставка приданого»). Различие обрядовых актов в смысловом отношении является критерием разделения элементов внутри самого обряда на апотропейные, очистительные, посвяtitельные и другие.

Реальный или предметный код удмуртского свадебного обряда представлен обыденными предметами (пища, одежда, предметы быта) или специально изготовленными ритуальными предметами для совершения обрядового действия. Данный код весьма разнообразен

и присутствует на всех этапах свадьбы. Анализ архивных и опубликованных материалов показал, что наиболее нагруженной символическим смыслом оказывается следующая свадебная атрибутика: предметы быта (полотенце/*чүшкон*, подушка/*миндэр*, скатерть/*жсöккышет*), одежда (платок/*кышет*, платье/*дэрем*), сооружения (ворота/*капка*, печь/*гүр*), пища (хлеб/*нянь*, гусь/*жазэг*, масло/*вöй*), орудия труда (коса/*кусо*, грабли/*мажес*, прялка/*кубо*).

Персональный код реализуется участниками свадебного действия. С этой позиции удмуртская свадьба, как и ритуальное действо в других культурах, может рассматриваться как взаимодействие двух текстов (М-текста и F-текста), представленных не только с точки зрения партии жениха (*женик*, *пи*, *эмспи*) и партии невесты (*невеста*, *ныл*, *кен*), но и их родов (род жениха/*сюанчиос*, род невесты/*келисьёс*, *бöрысьёс*). Отдельную категорию персонажей образуют свадебные «чины», которые присваиваются участникам в соответствии с их ритуальными функциями и обязанностями лишь на время свадебной церемонии (например, старший поезжанин/*азьветлйсь*, сваха/*дэмчи*, главный распорядитель/*тöр*, *тöро*). Выделяются «чины» рода жениха и рода невесты.

Пространственно-темпоральный код раскрывает организацию и проведение свадебного ритуала, предельно строго подчиненного установленным правилам, которые определяются представлениями о времени и пространстве. К примеру, важное значение в ритуале сватовства играло правильно выбранное время, маркировавшее особую ситуацию в обыденном течении жизни. Сватать невесту ходили во время вечерних сумерек (*акшан*). Данный факт выявляет природу времени сватовства как периода, противоположного открытой жизнедеятельности, указывает на его маргинальные признаки и свойства, связанные в мифологических представлениях с разворачиванием локуса «иногo» мира.

Особую роль в построении текста свадьбы играет вербальный код, включающий разные фольклорные жанровые формы словесных элементов обряда: слово, термин, имя, клише, молитва-заклинание, поговорка, пословица, ритуальный диалог и т. д. При этом язык – не просто один из кодов культуры, а ее первоначальная основа, которая всегда стоит за любым другим культурным знаком, к какому бы субстанциональному коду он ни относился, ибо все выражаемое культурными текстами может быть выражено и средствами языка. При таком подходе особенно важным становится изучение свадебной

терминологии, рассматриваемой в качестве сгустка информации и открывающей новые грани в прочтении и осмыслении обрядовых и мифологических явлений ритуала.

Фольклорные жанры, вплетенные в текст обряда, являются не просто вербальной формой выражения, но выполняют эстетическую функцию и представляют собой стержневые элементы ритуала, позволяющие сохранить структуру свадебного сценария.

При изучении фактов свадебной обрядности на таком уровне анализа мы наблюдаем некую метасистему, где все компоненты текста относятся к содержанию единого комплекса, имеющего сложную, развивающуюся во времени структуру, а рассмотрение каждого уровня в отдельности позволяет сделать «горизонтально-вертикальный срез» фольклорного явления.

Как правило, смысловое поле удмуртской свадьбы как текста выходит за рамки содержания отдельно взятого вербального, акционального, предметного и других составляющих систему компонентов. Суть данного текста может быть раскрыта лишь при синтезе всех потоков информации, при учете и так называемого «контекстного потока», обусловленного культурно-историческими и фольклорно-этнографическими реалиями. Контекст понимается достаточно широко: это, прежде всего, значимость совершаемого события в культурной традиции в целом.

Таким образом, текст удмуртской свадьбы строится на основе взаимозависящих и взаимовлияющих информационных потоков, обусловленных внутренней (культурные коды) и внешней (контекстный поток) системами. Они образуют текст свадьбы и одновременно сами являются его составляющими. Только понимание многоуровневой структуры, синкретического характера информационного поля удмуртской свадьбы позволяет «прочесть» текст обряда, анализировать его как многоплановый текст традиционной культуры.

Во второй главе «Удмуртская свадьба как фольклорно-этнографическая система: основные этапы ритуала и его современное состояние» рассматривается сценарий свадебного ритуала через призму его локальных традиций, прослеживается эволюция от традиционных форм к современным.

В § 2.1. *«Локальные разновидности удмуртской свадьбы»* анализируются особенности региональных/локальных версий свадебного обряда. В основе анализа лежат принципы этнографического и диалектологического разделения, разработанные исследователями

удмуртской культуры и языка (В.Е. Владыкин, В.К. Кельмаков, И.В. Тараканов, Л.Л. Карпова). Особое внимание уделено микролокальным примерам, поскольку нередко свадьбы соседних деревень могут иметь существенные различия, а описания обряда одного поселения недостаточны для характеристики свадьбы не только одного района, но даже куста деревень.

В § 2.2. «Предсвадебная обрядность» подробно охарактеризованы основные этапы досвадебной обрядности удмуртов, включающие сватовство: *куран* (букв. «просить»), *ныл куран* (букв. «просить девушку»), *ныл юан* («спрашивать девушку»); *пичи вина* (букв. «маленькое вино»); сговор: *кен вераськон* (букв. «говорить о невесте»); *ныл сётон* (букв. «отдавать девушку»); *ныл тупан* (букв. «сговариваться о невесте»); *нянь вандон* (букв. «разрезание хлеба»). В ряде срединных и северных районов (Дебесский, Ярский, Игринский) проводился обычай осмотра хозяйства жениха/места *учкон* (букв. «осмотр места»): родители и ближайшие родственники невесты ездили в дом жениха, чтобы посмотреть, куда они выдают дочь и какие предметы и вещи необходимо включить в состав приданого. Здесь же обсуждали день и время свадьбы. В северных районах (Юкаменский, Глазовский) был зафиксирован обряд шитья полога/*ын вурон* (букв. «шить полог»), на который невеста приглашала своих подруг.

Девушку могли увезти сразу же после просватания и уплаты выкупа (Граховский, Алнашский, Можгинский, Вавожский районы) или на следующее утро после обхода ближайших родственников невесты (Граховский). В этом случае на следующее утро проводили обряд купания невесты/ *кен пылатон* (букв. «купание невесты»). В назначенный день приезжал свадебный поезд со стороны невесты и устраивался свадебный пир в доме жениха/*ярашон, бёрысь, келись*.

За три дня до свадьбы в доме родителей (*сюан*) невеста возвращалась домой. В прежние времена невеста возвращалась на год или несколько месяцев/*берен тукон* (букв. «обратное сидение»).

Если невеста после сговора оставалась дома, то сначала проводился обряд, на котором обсуждали организацию свадебных пиров/ *сюан вераськон* (букв. «разговор о свадьбе»). Далее проводили пир в доме невесты, а затем – в доме жениха.

В § 2.3. «Свадьба в доме невесты и жениха» содержится описание свадебного пира в доме невесты и свадебного пира в доме жениха.

Жених и его родственники тщательно готовились к отъезду за невестой. В этот день надевали одежду, специально предназначенную

для свадьбы. Если не было своей одежды, то просили у знакомых или родственников.

Перед свадебным поездом во многих местах закрывали ворота. Чтобы войти, жениху необходимо было заплатить выкуп. Под воротами просовывали лопату и просили, чтобы на нее положили деньги за вход.

После уплаты выкупа свадебному поезду разрешали «въехать» двор, где его встречали родители невесты. До сих пор повсеместно принято встречать с хлебом и маслом, с хлебом и солью, с вином.

На каждой свадебной церемонии присутствовали главные распорядители/*тёр, торо*. Они были самыми уважаемыми и почитаемыми гостями, из дома в дом их возили на маленьких тележках летом и на санках зимой. Всегда усаживали первыми во главе стола и только на подушки. Рядом с ними усаживали ближайших друзей жениха и его родственников. Главный распорядитель свадьбы должен был «дать зачин» свадебному напеву.

После исполнения песен на свадебный напев начинался обход дворов родственников невесты, во время которого происходило более близкое знакомство обоих родов/*бускеле потон* (букв. «выход к соседям»). После обхода родственников главного распорядителя свадьбы увозили домой, остальные возвращались в дом невесты, где снова накрывали на стол.

Перед выходом из дома все кланялись родителям невесты. Родители благословляли молодых, перекрещивая и произнося благопожелания. В ряде мест благословляли только невесту, без жениха. Она вставала на колени, делала низкий поклон, а мать крестила ее со спины.

Далее следовал ритуал прощания невесты с родным домом. Выносили приданое, складывали в повозку. Жених откупал приданое у родственников невесты, чтобы они открыли ворота.

Просхав немного, главные распорядители со стороны жениха проводят черту поперек улицы, символически обозначая таким образом, что невесте с этого времени возвращаться в дом родителей запрещено.

Свадебный поезд в доме жениха встречали с хлебом, маслом, вином. Мать жениха стелила на пол под дверь белую ткань или половик, чтобы молодые не наступали на голый пол. Затем невесту усаживали на подушку в женской половине дома. Родственники подносили ей хлеб с маслом, расплетали косу, заплетали две и укладывали вокруг головы. Мать жениха меняла девичий платок невесты на головное

полотенце замужней женщины/*чалма*, что означеновало окончание девичества.

Немного перекусив, молодых готовили к первой брачной ночи. Постель, которую привезли вместе с сундуком невесты, застилала крестная мать жениха. После этого гости пили за то, что уложили молодых спать/*ныл кӧлтон* (букв. «укладывать невесту спать»).

Утром следующего дня проводился осмотр приданого и церемония даров. Угощать присутствующих должна была невеста, которая демонстрировала свои хозяйственные способности. Общепринято на второй день в доме жениха проводить символические испытания для невесты и жениха. Проверка невесты заключалась в трех основных заданиях, которые бытовали повсеместно. Во время первого она должна была испечь лепёшки из кислого теста/*табань*, чему всячески препятствовали родственники жениха: закрывали трубу, вымазывали друг друга тестом и т.п. Невеста должна была угостить их вином, а каждый, кто хотел попробовать невестино блюдо, должен был заплатить за это деньгами. Во время второго испытания невесту заставляли подметать пол/*пол чужон* (букв. «подметать пол»). В избу заносили солому, кидали деньги. Невеста должна была отделить мусор от денег. Родственники жениха вновь раскидывали их, поэтому в сборе денег невесте помогал жених. Третьим этапом было хождение невесты за водой/*ву вайн* (букв. «приносить воду»). Она должна была донести воду до дома, не расплескав её. Если невесте это удавалось, это считалось хорошим знаком. Но невесте всячески пытались помешать, поэтому ей приходилось по несколько раз набирать воду в вёдра. В ряде мест процесс принесения воды сопровождался ряженьем. Чаще всего мужчины наряжались женщинами, женщины – мужчинами, среди ряженых присутствовали образы медведя, солдата, цыганки.

Испытание жениха заключалось в том, чтобы расколоть с одного удара чурку с монетами, которые вбивали заранее

При прощании с невестой всегда пели песни. Невеста садилась на скамейку, и каждый, кто прощался, брал ее за руку и целовал. После отъезда родственников молодница угощала присутствующих заготовленным заранее вином.

В § 2.4. «Послесвадебный цикл обрядов» представлены основные завершающие обряды, проводимые после свадебного дня.

На следующий день после свадебного пира молодые отправлялись в дом родителей невесты. Они так же могли посетить тех родственников, к которым не успели зайти в первый день свадьбы. В северных

и срединных районах сразу после свадьбы родители невесты увозили ей прялку/*кубо нуон* (букв. «увозить прялку»). Осенью в качестве приданого родители невесты посылали ей домашний скот: гуся, овцу, теленка, жеребенка. В пору, когда начинался сенокос, посылали косу и грабли/*мажес-кусо нуон* (букв. «увозить грабли-косу»).

В первый день сенокоса обязательно проводили обряд купания молодежи/*кен пылатон, сяттым* (букв. «купание невесты»). Водой обрызгивали не только невесту, но и всех присутствующих.

Через год после свадьбы родители невесты приглашали дочь с мужем к себе в гости и дарили им зимнюю верхнюю одежду: тулуп, шубу, валенки.

В § 2.5. «*Инновации в свадебном ритуале удмуртов*» обозначены основные изменения традиционной свадьбы удмуртов на сегодняшний день. Выявляются различия в структуре и терминологии обряда, исследуются основные причины трансформаций.

Сегодня из целого комплекса предсвадебного этапа проводится лишь сватовство, при этом и оно стало элементом факультативным и почти полностью утратило обрядовую и праздничную семантику. Сватовство чаще всего представляет визит родителей и ближайших родственников жениха к родителям невесты с целью знакомства и проходит в соответствии с современным представлением о застолье-трапезе. На этой встрече могут обсуждаться материальные и организационные вопросы.

Собственно свадьба, как и раньше, проводится в два этапа, но занимает лишь два дня. Первый день празднуется в доме невесты, второй – в доме жениха. Оба пира носят одно название – *сюан*.

В городской среде чаще всего свадьба празднуется один день, на второй день собираются только близкие родственники.

Спецификой современного обряда является катание молодых в свадебном кортеже и посещение памятных мест города, заказ организации свадьбы у специализирующихся людей, которые пишут ее сценарий.

В сельской местности утром второго дня все гости собираются в доме жениха. Здесь молодым проводят испытания, которые хоть и традиционны по сути, тем не менее на сегодняшний день имеют игровой, развлекательный характер: невеста должна испечь блины (*табани*), принести воду из колодца или с колонки, подмести мусор, который разбрасывают заранее и бросают туда деньги. Задача жениха – расколоть чурку с вбитыми заранее монетами. На второй день проводится и ряжение.

Современная свадьба удмуртов существенно отличается от свадьбы, которую описывают исследователи XIX в. Старые обычаи и ритуалы, призванные помочь организации социальных перевоплощений участников свадьбы, приспособлению к новым жизненным ролям, теряют свое символическое значение. Многие ранее серьезно воспринимаемые обычаи со временем превращаются в свадебные розыгрыши, а другие исчезают совсем.

Одна из причин изменений – изменившиеся бытовые условия. Меняются предметы быта, пища, транспортные средства, что приводит к исчезновению или трансформации обычаев.

Другая причина – изменение традиционного мировоззрения. Современный мир находится под влиянием процесса глобализации, сущностной основой которой является информационная революция, оказывающая решающее влияние на все сферы человеческой жизни, приобретающие качественно новые черты. Компьютеризация, Интернет, спутниковые коммуникации связывают воедино экономику, науку, культуру всех стран и регионов мира, что ведет к массовому культурному сознанию.

Однако не все так однозначно. Современная свадьба проводится по универсальным сценариям, которые представляют собой набор эффективных ритуалов, уже ставших массовыми в контексте традиции. Подобные сценарии обеспечивают жизнь новым традициям, передача которых происходит как устным, так и письменным путём. Сохраняя трехчастную структуру и ряд традиционных элементов, органически входящих в ее структуру и устойчиво в ней сохраняющихся, каждая часть обряда наполняется многообразными ритуалами с переосмысленными и трансформированными элементами. Это позволяет утверждать, что современная свадьба удмуртов представляет собой исторически новый тип традиционной свадьбы, имеющий определенные особенности.

В третьей главе «Семантика обряда сквозь призму вербального кода» посвящена исследованию языка ритуала. Проанализированы основные жанры свадебной поэзии, особое внимание уделено поэтике песенных текстов. Терминология удмуртской свадьбы рассматривается как отдельный пласт культурной информации, раскрывающий семантику того или иного компонента обряда.

В § 3.1. «Жанровый состав свадебной поэзии удмуртов» обозначены основные жанры свадебного обряда: пословицы, поговорки, поверья, диалоги с вербальными формулами-иносказаниями, заклинания-благопожелания, молитвенные заклинания, свадебные песни.

Особое внимание уделено песням, которые выделяются по мелодическому типу. Например, различаются песни поезжан рода жениха – *сюан гур* и песни поезжан рода невесты – *бёрсыг гур*. Отличаются от основных напевов прощальные песни невесты – *ныл келян гур*.

Выделены закономерности структуры и содержания песен на уровне мотивов.

В § 3.2. «Образная система и основные поэтические приемы свадебной поэзии» рассматриваются художественно-выразительные средства и поэтические особенности свадебных песен удмуртов.

В структурном плане удмуртские свадебные песни часто построены в форме монолога-обращения: *Куднал но сэрегаз кылэз аран улысэд?/ Кылэз ке, кылэз ук Синяр пал но сэрегаз* («В каком углу останется полоса жатвы?/ Если останется, то останется в углу синярской стороны»).

Среди поэтических фигур ведущее место отводится анафоре (лексической (*Куднал ной улланыз... куднал но сэрегаз* (букв. «В какой стороне уклони... в каком углу») или синтаксической (*Сэрего, сэрего... кожныро, кожныро* (букв. «С углами, с углами... с излучинами, с излучинами); эпитету (*Кортэн кыскем сандыктэк* (букв. «без окованного железом сундука»), *Шашыно но ошместэк* (букв. «без родника, поросшего осокой»); гиперболе («*Сизыымдон но сизыым ук иськемез ми лыктйм*» (букв. «Семьдесят и семь верст ведь мы проехали»); «*Корказыды но туж эсужыт, тубеммы чик уг луы*» (букв. «Ваше крыльцо очень высокое, никак подняться не можем»); приему психологического параллелизма (*Азбарысытыз чуж чипыдэ душес ке нуиз/ Жаль потоз ук, туклячие/ Ал вылад быдэстэм нылдэ ми ке нуим/ Жаль потоз ук, туклячие* (букв. «Если со двора ястреб унесет цыпленка/ Жалко, ведь, будет, сватья/ Если заберем твою на груди возвращенную дочь/ Жалко ведь будет, сватья»)).

В удмуртских свадебных песнях одним из наиболее распространенных художественных приемов поэтического языка является сравнение. В качестве сравнения используются образы различных предметов, вещей, явлений природы, но чаще всего встречаются образы животного и растительного мира.

Метафорической заменой жениха чаще всего являются журавль (*айы тури*), одинокий журавль (*пал тури*), теленок (*ошпи*). Невесту символизирует образ самки журавля (*мумы тури*), лазоревого цветка (*италмас сяська*), полевой гвоздики (*инвожо/гербер сяська*), цветков мака (*мак сяська*), телочки (*ветыл*). Поезжане сравнивают себя

с закованными в цепи медведями (*дурем гондыр кадесъ, жильёе гондыр кадесъ*), с чёрно-бурой лисой (*жисуась жичы кадесъ*); с вольными волками (*кыр кионли кадесъ*).

В § 3.3. «Терминология как источник изучения свадебного текста» исследуются основные постулаты изучения терминологии (слов и синтагм и скрытых за ними поверхностных и глубинных значений и смыслов) в качестве смысловобразующего компонента удмуртского свадебного текста.

Терминология обрядов – это специальная терминология, называющая семиотически (культурно) значимые реалии – ритуальные предметы, действующих лиц, действия, свойства, функции, отношения и т. п., обозначающая сами обряды или их части. Это обуславливает особую роль терминологии, ее неразрывную связь с реалиями, одновременную принадлежность к языку и культуре и потому заслуживающую систематического изучения с позиций комплексного этнолингвистического подхода.

Будучи составной частью свадебного обряда, терминология определенным образом соотносится с элементами культурного текста – акциональным, предметным, персонажным, локативным, временным и т.д. кодами и наравне с ними является носителем культурной семантики и знаковой функции.

На основе классификации обрядовой терминологии, разработанной специалистами этнолингвистического направления (С.М. Толстая), в удмуртской свадебной лексике можно выделить следующие группы терминов:

- названия обрядов, их комплексов и составных частей;
- названия ритуальных предметов;
- названия лиц-исполнителей (адресатов, объектов) ритуальных действий;
- названия ритуальных действий;
- метаязык фольклора (названия песенных циклов, танцев, игр вербальные формулы и т. п.).

Наиболее удобной формой обработки и систематизации значительных объёмов информации является словарь терминов. Только сводный этнолингвистический словарь, органично соединяющий фольклорные этнографические и лингвистические факты, способен дать представление о своеобразии культуры края, позволит вскрыть особенности древних верований и традиционных обрядов. Кроме того, словарь создает хорошую базу для дальнейшего сравнительного

анализа однородного материала из разных ареалов, являясь не только данью исторически сложившемуся способу систематизации разрозненного и разнопланового эмпирического материала, но и связан с попытками концептуального его осмысления.

Задача максимально полного сбора, комплексного научного описания, классификации и изучения удмуртской свадебной лексики несомненна. Свадебная терминология представляет собой систему, включающую не только архаический пласт языка, но и содержащую заимствования из соседних языков: русского и татарского.

Основной корпус словаря составляют тематические блоки, посвященные разным составляющим свадебной обрядности: вербальной, акциональной, предметной. При этом словарь отражает диалектную специфику, включает устойчивые терминологические сочетания и формулы.

Общее расположение слов внутри темы или блока – алфавитное. В каждой словарной статье представлено заголовочное слово, указан источник и география распространения, приведён буквальный перевод на русский язык, приведены контексты живого речевого употребления слова или словосочетания с их переводом на русский язык, по возможности указаны синонимы.

Одним из промежуточных результатов работы над составлением словаря являются материалы, представленные в приложении. На сегодняшний день корпус словаря составляют более 500 номинативных единиц.

Предлагаемые сведения не являются окончательными, поскольку на данном этапе идет выработка общих принципов словаря. По мере поступления и накопления информации о свадебной обрядности удмуртов работа над словарём будет продолжена.

В заключении обобщаются результаты исследования.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях (общий объем 2,6 п.л.):

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

Окунева Т.В. Удмуртская свадьба: традиции и инновации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 3 (17): в 2-х ч. Ч. I. С. 130–133. (0,6 п.л.)

Публикации в других изданиях:

1. *Окунева Т.В.* Терминология участников удмуртской свадьбы // Татарская фольклористика: исследования молодых. Сб. материалов чтений школы молодых фольклористов. Казань, 2010. С. 99–106. (0,4 п.л.)
2. *Окунева Т.В.* Удмуртская свадьба как текст // Труды конференции «Покровские дни»: В 3 томах. Нижний Новгород, 2011. Т. 1. С. 45–55. (0,5 п.л.)
3. *Окунева Т.В., Сунцова Н.Ю.* Растительный код в удмуртских свадебных песнях // Национальные культуры Урала. Традиционная народная культура в ее архаических и современных формах. Материалы региональной научно-практической конференции: [Сб. ст.] / Министерство культуры и туризма Свердловской области; Центр традиционной народной культуры Среднего Урала [сост. А.А. Мехнецов]. Екатеринбург, 2011. С. 20–25. (0,4 п.л.)
4. *Окунева Т.В.* Предметный код в удмуртской свадебной традиции // Татарское народное творчество. Научные исследования и фольклорные образцы: Сб. материалов науч. конференций. 6 кн. Казань, 2011. С. 91–98. (0,4 п.л.)
5. *Окунева Т.В.* Терминология удмуртской свадебной обрядности как культурная информация // Social Science. Общественные науки. Всероссийский научный журнал. М.: МИИ Наука, 2012. С. 107–111. (0,3 п.л.)

Для заметок

Для заметок

Подписано в печать 22.11.12.

Бумага офсетная. Печать ризографическая.

Формат 60х84 1/16. Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 1,5

Уч.-изд. л. 1,4. Тираж 100 экз. Заказ 216/11

Отпечатано с готового оригинала-макета
в типографии Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37
тел. (843) 233-73-59, 292-65-60

10 =